

Discourse and rhetorical possibilities of a linguistic personality

Nilufar USMONOVA¹

Fergana State University

ARTICLE INFO

Article history:

Received September 2021

Received in revised form

15 September 2021

Accepted 20 October 2021

Available online

15 November 2021

Keywords:

discourse,

linguistic personality,

rhetoric,

critical discursive research,

conceptual sphere,

perlocative effect of

utterance.

ABSTRACT

The article examines the concept of “linguistic personality” and its rhetorical possibilities, and also examines the problem of the concept of “discourse” and its interaction with a linguistic personality.

2181-1415/© 2021 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol2-iss10/S-pp385-390>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Diskurs va til shaxsiyatining ritorik imkoniyatlari

Kalit so'zlar:

nutq,

til shaxsiyati,

ritorika, tanqidiy nutqiy

tadqiqotlar,

konsepsiyalar,

bayonotning ta'sirchan

ta'siri.

ANNOTATSIYA

Maqolada “til shaxsiyati” tushunchasi va uning ritorik imkoniyatlari, shuningdek, “diskurs” tushunchasi va uning tilshunos shaxs bilan o'zaro ta'siri o'rganiladi.

Дискурс и риторические возможности языковой личности

Ключевые слова:

дискурс,

языковая личность,

риторика,

критические

дискурсивные

исследования,

концептосфера,

перлокутивный эффект

высказывания.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие «языковая личность» и его риторические возможности, а также исследуется проблема понятия «дискурс» и его взаимодействие с языковой личностью.

¹ Lecturer, Fergana State University. Fergana, Uzbekistan.

Понятие языковой личности ввел в филологию В. Виноградов (1930), а развил Ю. Караулов, предложив ее структуру в лингво-прагматическом ракурсе. Ю. Караулов рассматривает понятие «Языковой личности» как стержневое и определяющее, вокруг которого разворачивается обсуждение самых интересных проблем общего языкознания, и толкует его как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются по а) степени структурно-языковой сложности, б) глубины и точности отражения действительности, в) определенной целевой направленности», а также как «любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа порожденных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отображения видение им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире [4].

Проблема определения понятия дискурс до сих пор остаётся неразрешённой. Споры идут даже о том, куда правильно ставить ударение в этом слове. Но прежде всего сложность заключается в том, что данное понятие является междисциплинарным, а именно используется в таких науках как: лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и многие другие. Это обуславливает и многообразие подходов к определению термина «дискурс», к трактовке его значения и сущности. Рассмотрим подходы к определению понятия «дискурс» в лингвистике. Так Емельянова Н.А. в своей диссертации выделяет четыре основных подхода к определению понятия «дискурс»: коммуникативный (функциональный), структурно-синтаксический, структурно стилистический и социально прагматический.

Согласно первому подходу «дискурс» рассматривается как функционирование языка в речи, некое устное сообщение в совокупности с сопутствующими ему временем, местом, обстановкой и т.д. Речь в свою очередь может иметь форму диалога, беседы либо рассматриваться с позиции говорящего в оппозиции повествованию.

Второй подход определяет «дискурс» как часть текста, сверхфразовое единство, абзац или даже несколько абзацев, превышающих уровень предложения, где логичность связности предложений является определяющим свойством дискурса.

Структурно-стилистический подход рассматривает «дискурс» как нетекстовую организацию разговорной речи, характеризующуюся нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью и высокой контекстностью.

В социально-прагматическом подходе, который исследовали такие российские и зарубежные учёные как Арутюнова Н.Д., Степанов Г.В. и Серио П., дискурс рассматривается как текст, погружённый в ситуацию общения, как правило характерный для какой-то определённой социальной группы или же ограниченный идеологически.

Наиболее полный перечень существующих определений понятия «дискурс» приводит в своих трудах швейцарский лингвист П. Серио, он выделяет восемь значений, а именно:

- 1) эквивалент понятия «речь» (по Ф. Соссюру [41]), т.е. любое конкретное высказывание;
- 2) единицу, по размерам превосходящую фразу;
- 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания;
- 4) беседу как основной тип высказывания;
- 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию (по Э. Бенвенисту [6]);
- 6) употребление единиц языка, их речевую актуализацию;
- 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс;
- 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [2].

Исходя из последнего определения, важно упомянуть о том, что особое развитие изучение такого явления как «дискурс» получило в период расцвета лингвистики текста, и сейчас можно наблюдать выделение новой научной дисциплины, занимающейся проблемой дискурса. Возникает необходимость классифицировать коммуникативные интенции текстов (интенциональный анализ текста) Таким образом подчёркивается возможность классификации текстов в соответствии с преобладающей интенцией, а также определения характера содержащейся в тексте имплицитной информации, и способов её выражения, таких как, например, реминисценция, служащая средством апелляции к созданным ранее текстам: упоминания, прямая цитация, аллюзия и т. д., что сейчас как правило обозначается в современной лингвистике термином «интертекстуальность».

«Лингвистический энциклопедический словарь», даёт следующее определение понятия «дискурс» – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами». К данным факторам можно отнести коммуникативные намерения автора, взаимоотношения автора и адресатов, всевозможные «обстоятельства», значимые и случайные, общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды, и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности, жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается, множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия [10].

Если определять критические дискурсивные исследования (КДИ) как академический проект, ориентированный на создание теории и критический анализ дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью и социального неравенства, то центральной задачей КДИ является детальное изучение концепта власти. *Вместе с* тем, как и в случае со многими фундаментальными понятиями социальных наук, понятие власти является сложным и неясным. Неудивительно, что большое количество книг и статей посвящено анализу *этого* ключевого концепта многих дисциплин. Я считаю необходимым обратиться к тем измерениям власти, которые непосредственно связаны с изучением языковой практики, дискурса и коммуникации.

Тем не менее, предмет моего исследования – дискурсивное воспроизводство злоупотребления властью и социального неравенства – вряд ли сам по себе является непроблемным понятием, а значит тоже должен быть подвергнут детальному теоретическому анализу. Например, как особая интонация, местоимения, заголовок, тема, лексические единицы, метафоры, цвет или ракурс, помимо множества прочих семиотических характеристик дискурса, связаны с таким абстрактным и общим явлением, как властные общественные отношения? Иными словами, мы должны каким-то образом связать типичные особенности текста, речи, интеракции и семиотических практик как объекты микро-анализа с типичными характеристиками общества, такими как группы или организации и их отношения доминирования, как объектами макро-анализа.

Более того, КДИ направлены не на изучение любой власти, а, главным образом, на исследование *злоупотребления* властью или, иными словами, на исследование таких форм доминирования, которые результируют в социальном неравенстве и несправедливости. Такое нормативное понятие («злоупотребление» – это «плохо») требует проведение анализа с помощью других нормативных понятий и критериев социальной науки, таких как легитимность, которые, в свою очередь, предполагают привлечение этики и моральной философии. Так, в этой книге я часто обращаюсь к дискурсивному воспроизводу расизма, а критический анализ таких дискурсивных практик, на мой взгляд, исходит, по крайней мере, из того, что расизм – это плохо, поскольку расистские практики несовместимы с нормами социального равенства.

Главная цель КДИ – изучение дискурсивного злоупотребления властью – предполагает также изучение различий в доступе к социальной власти, и поэтому я обращаю особое внимание на различные способы доступа к публичному дискурсу как одному из ресурсов социальной власти.

Иными словами, можно увидеть, что многие концепты КДИ требуют формулировки в контексте наиболее фундаментальных понятий социальных наук.

Известный французский лингвист К. Ажеж в книге «Человек, который говорит: вклад лингвистики в гуманитарные науки» вводит понятие «Выразитель психосоциальный», имея в виду говорящего во всех его психологических и социальных аспектах. Модель такого выразителя языковед строит на диалектическом взаимодействии двух сфер: 1) сферы покорения пользователя языка и 2) сферы свободы, языковой инициативе пользователя. Первая сфера включает саму систему языка, условия общения и ряд постоянных факторов, таких как «биолект» (возраст и пол), социолект (общественное положение, профессиональная принадлежность, образование, место рождения, образ жизни), «символолект» (отношение к языку), «этнолект» и «политиколект». Вторая сфера основывается на вариативности языка и его способности к эволюционным изменениям вследствие как бессознательного коллективного, так и сознательного индивидуального творчества [1]. Социолект и, прежде всего, символлект и политиколект находятся на грани этих двух сфер и при сильной (в том числе и творческой) языковой личности переходят в сферу свободы, где говорящий способен выходить за пределы диктата языка как системы. Это можно наблюдать в речи современных писателей, журналистов, политиков, которые достаточно свободно пользуются языком, иницируя, например, употребление

новообразований и влияя таким образом через средства массовой информации на язык определенных слоев общества. Подобная тенденция прослеживается также в речи выдающихся переводчиков (М. Лукаш, И. Костецкий, Ю. Шкробинец) сфера свободы, которых в переводах (в речевом смысле) гораздо шире, чем сфера свободы других переводчиков.

Рассуждения К. Ажежа имеют непосредственное отношение к вопросу, который мы ставим перед собой, – выявить влияние различных факторов на личность переводчика, которая, в свою очередь, будет влиять на продукт перевода. Мы придерживаемся мнения, точно высказанного М. Новиковой, что мастерство переводчика – «это категория личная и личностная».

Последователи ученого Г. Богин, И. Прожогин, В. Маслова, Наумов, Л. Иванова, И. Сеница, С. Воркачев и другие, разрабатывая эту теорию в различных аспектах и исследуя / языковые личности, вносили дополнения к выводам своего предшественника: предложено различать языковую, речевую и коммуникативную личность, стандартную и нестандартную языковую личность, введено понятие «Модельной личности».

Среди исследований, выходящих за пределы анализа языковой личности, выделим диссертацию Т. Ишков «Концепт языковой личности в английском языке в сопоставлении с русским (на примере анализа вариантов переводов пьесы Б. Шоу «Пигмалион»)», в которой автор характеризует языковую личность одного из персонажей в английском оригинале и в русских переводах. Такое сравнение позволяет выявить целый ряд особенностей языковой личности как в плане ее формирования, так и в лингвокультурном аспекте. Особенно интересными для нас являются рассуждения исследователя относительно языковой личности и установления факта наличия существенных различий в ее воспроизведении различными российскими переводчиками, свидетельствует о влиянии языковой личности переводчика на адаптацию зарубежного материала к своей языково-культурной аудитории.

Средства обеспечения перлокутивного эффекта высказывания традиционно рассматриваются в риторической науке. Так В.Б. Касевич определяет риторику как совокупность средств, рассчитанных на обеспечение перлокутивного эффекта высказывания (текста). Риторические приемы рассматриваются этим ученым как средства, одновременно выполняющие две функции: повышение избыточности информации и побуждение слушателя взглянуть на предлагаемую информацию через текст, сильно маркированный эстетически и эмоционально [1]. Е.Н. Зарецкая подчеркивает необходимость применения всех приемов выразительности (тропов и фигур) в публичной коммуникации [8]. Н.А. Безменова говорит о том, что риторические фигуры – это способ рельефного изображения аргумента. Тропы применяются для выявления главной мысли, придания большей живости выражению, имеют орнаментальное значение. [1]. Многолетнее исследование публичной речи и художественно-языковой компетенции позволяет нам заявлять о том, что тенденция ограничивать риторику тропами и фигурами безнадежно устарела. Это ограничение в какой-то мере можно отнести к поэтической речи. Именно там тропы и фигуры используются в максимальном объеме. В публичной речи они также фиксируются, однако здесь уместно говорить о самых популярных средствах художественной выразительности (метафоры, сравнения перифразы,

повторы, параллелизмы, антитезы, градации и др.). Причём при использовании этих средств есть определённые закономерности. Например, есть частотные метафорические модели, которые более органично входят в концептосферу адресата и позволяют принять ту или иную идею.

Следует отметить, что кроме тропов и фигур в риторике актуален целый арсенал средств, заслуживающих внимания, причем некоторые из них в публичной речи более частотны, чем в художественной литературе (например, псевдоцитация, языковая игра с прецедентами и др). Проведенный нами анализ высказываний в прессе представителей деловой российской элиты [7] позволяет выделить одну из речевых стратегий публичного делового дискурса – прагмаэстетическую стратегию убеждения. Она заключается в выборе лингвокреативных языковых ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Безменова Н.А. Риторическая модель речевой деятельности // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 15-27.
2. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1998. - 480 с.
3. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – №4. – 2016. – С. 56–77.
4. Касевич В.Б. Теория коммуникации и теория языка // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. - СПб. – 2001. – С. 70–75.
5. Козлова Е.А. Лингвокреативность управленца. - Киров: ФГБОУ ВПО Вятская ГСХА, 2014. – 190 с.
6. Козлова Е.А. Речевое воздействие в публичной деловой коммуникации: монография. – Киров: Вятская ГСХА, 2018. – 103 с.
7. Козлова Е.А., Грецов В.В. Значимость натурфилософского периода для современной науки // Экономика, финансы, образование: проблемы и перспективы развития сборник научных трудов Международной научнопрактической конференции. – Киров: Вятская ГСХА, 2019. – С. 100-104.
8. Плотникова С.Н. Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 4. – С. 37–42.
9. Хазагеров Г.Г. Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – Т. 22. – № 2. – С. 357–372.